

Бенжамен Констан

Амелия и Жермена

Перевод с французского и вступление В. Мильчиной

Опубликовано в журнале: ["Иностранная литература" 2002, №4](#)

Обе женщины, чьи имена стоят в названии публикуемого текста, -- лица не вымышленные, а вполне реальные. Однако роль, которую они сыграли в жизни автора, французского писателя, мыслителя и политического деятеля Бенжамена Констана де Ребека (1767--1830), оказалась очень разной. Если безвестная дочь пьемонтского капитана Амелия Фабри (1771--1809) занимала мысли Констана не слишком долго, то роман со знаменитой писательницей Жерменой де Сталь, с которой он познакомился в 1794 году и которая стала его любовницей двумя годами позже, длился до 1811 года, несмотря на все мучительные сцены и объяснения и даже несмотря на женитьбу Констана в 1808 году на Шарлотте фон Гарденберг. Впрочем, жизнь с Шарлоттой Констану также скоро надоела, и в 1815 году он страстно влюбился в Жюльетту Рекамье -- многолетнюю приятельницу и одновременно соперницу Жермены де Сталь.

Вообще Констан был человек весьма страстный и влюбчивый. Его биограф называет тот период его жизни, на который пришелся эпизод с Амелией, "эпохой, полной самых разнообразных женщин, начиная с неизменной Жермены де Сталь и внезапно возникшей вновь Шарлотты фон Гарденберг и кончая гетерами самой низкой пробы, не говоря уже о бесчисленных потенциальных невестах". Констан и сам отдавал себе отчет в этой своей черте и довольно трезво писал о себе в дневнике: "Что я за глупая тварь! Влюбляю в себя женщин, которых сам не люблю. Затем вдруг любовь налетает на меня как вихрь, и связь, которую я завел лишь скуки ради, переворачивает всю мою жизнь. Пристало ли это человеку умному?" Сознавал он и другое обстоятельство, а именно то, что со времени знакомства с Жерменой де Сталь всякую другую женщину он был обречен воспринимать на фоне Жермены и по контрасту с ней. Так, Шарлотта фон Гарденберг, с которой Констан после недолгого платонического романа в 1793 году вновь повстречался лишь одиннадцать лет спустя, очаровывает его прежде всего тем, что она непохожа на г-жу де Сталь. "Жермена порывиста, эгоистична, поглощена своими собственными делами, -- пишет он в дневнике, -- Шарлотта нежна, кротка, скромна и покойна и по причине этого несходства становится мне в тысячу раз дороже. С меня довольно женщины-мужчины, которая безраздельно повелевает мною вот уже десять лет; меня пьянит и чарует привязанность женщины, которая стремится быть только женщиной". Особенно важно здесь слово "кротость"; оно не раз повторяется и в тексте "Амелии и Жермены": именно это качество, которого была лишена г-жа де Сталь, Констан надеялся найти в потенциальной невесте. Констан долго и безуспешно стремился "освободиться" от тирании Жермены; подобно герою своей повести "Адольф", он пытался признаться ей "не в любви, а в ненависти". Однако связь с Жерменой Констан явно воспринимал как "вечную", поэтому, когда в 1814 году, через три года после их последнего свидания, он вновь увиделся с прежней любовницей в Париже и убедился, что она наконец охладела к нему, он с некоторым изумлением занес в дневник: "Теперь у меня не осталось никакой неопределенности относительно будущего, ибо в ней [Жермене] не осталось и следа чувства" (по-видимому, ему казалось, что "неопределенность" в их отношениях будет длиться бесконечно и у них всегда останется возможность начать все сначала).

Бенжамен Констан вошел в историю литературы (и тем более в сознание русских читателей) как автор одного произведения -- повести "Адольф" (1806--1810, изд. 1816). Сам Констан, по всей вероятности, надеялся прославиться совсем другими свершениями: при Наполеоне он был членом Трибунала, в эпоху Реставрации публиковал многочисленные публицистические статьи, проникнутые либеральным духом, и принадлежал к либеральной оппозиции в палате депутатов; в течение многих лет он работал над фундаментальным трудом по "сравнительному религиоведению" -- книгой "Об источниках, форме и развитии религии", первый том которой вышел в 1824 году, а последние, пятый и шестой, -- посмертно, в 1831-м. Однако если в 1820-е годы у Констана-публициста были в России горячие поклонники (к их числу принадлежал, например, П. А. Вяземский, назвавший его "непреклонным приверженцем всего, что развивает до законных пределов независимость человека"), то современному русскому читателю все эти стороны деятельности Констана известны гораздо меньше. Неизвестна в